

Но, подумав еще раз, она решила, что в этом мире у нее есть и деньги, и красота: пусть ее никто и не любит, но жизнь в целом довольно приятная. Пусть время идет своим чередом, в эти долгие годы она ведь наверняка полюбит меня... верно?

Лу Чан Гэ вернулась в свою спальню, но неожиданно Юэ И последовала за ней и спросила: — Каковы ваши планы на будущее?

Лу Чан Гэ на мгновение замерла, осознав, что у нее нет никаких жизненных устремлений. У нее по-прежнему оставалось столько денег, что их невозможно потратить, а тратить силы на создание какого-то нового бизнеса ей совсем не хотелось. Поэтому она ответила: — Я и сама не знаю. Наверное, потом буду путешествовать повсюду, поучусь чему-нибудь. Закончив со всеми этими делами, мне тоже следует как следует отдохнуть.

— Вы еще очень молоды, неужели вы никогда не думали о том, чтобы снова выйти замуж?

Лу Чан Гэ удивилась и с улыбкой произвела: — Что такое, ты теперь переквалифицировалась в сваху? Я не собираюсь замуж, замужество — это такая скованность! К тому же, раз я сейчас так богата, как мне узнать, любят ли они меня саму или мои деньги? Когда оба человека подозревают друг друга — какая же это скука, я и сама по себе могу прекрасно прожить.

— А вот ты, ты ведь намного моложе меня. Если я не ошибаюсь, тебе в этом году должно быть... двадцать лет? Есть какие-то планы?

У Юэ И было такое невинное выражение лица: — Разве вы только что не сказали, что будете всегда меня использовать?

Лу Чан Гэ подумала про себя: что значит это твое «использовать»? Неужели это значит то, о чем я подумала? Я ведь такая испорченная, меня уже не спасти...

Она откашлялась и с серьезным видом произнесла: — То было сказано сгоряча, можешь не принимать всерьез. У тебя должна быть своя собственная жизнь, делай что хочешь, не обращай на меня внимания.

— Тогда... могу я всегда следовать за вами?

На этот раз Лу Чан Гэ действительно опешила. Ее сердце вдруг заколотилось с невероятной силой, в горле почти пересохло — просто она не понимала, что именно имеет в виду Юэ И.

Она намеренно придала голосу холодный тон и сказала: — Следовать за мной? Мне предстоит тратить деньги на очень многое, я не стану платить тебе такую высокую зарплату.

— Если вам не хватает денег, я могу сама заработать для вас. Если вы не брезгуете... правда, может быть, не так роскошно, как вы привыкли сейчас.

— Но я хочу побывать в таком множестве мест: в Америке, в Англии, в Австралии! Ты ведь даже по-английски не знаешь, зачем увязываться за мной?

— Я... я ведь тоже училась, к тому же я могу наверстать. Пожалуйста, поверьте мне, я не буду обузой. — Услышав это, она опустила голову, словно испытывая глубокий комплекс неполноценности, и больше не смела смотреть на Лу Чан Гэ.

У Лу Чан Гэ защемило сердце, но она заставила себя проявить твердость и сказала ей: — Хотя я больше не выхожу замуж, романы я заводить все равно буду. Завязать какой-нибудь

заграничный роман — это ведь так романтично! Если ты будешь путаться у меня под ногами, словно приставучая третья лишняя, это испортит мне всю удачу в любви. К тому же, вдруг я встречу какую-нибудь истинную любовь... что тогда делать тебе?

С опаской та спросила: — Какая она, ваша истинная любовь?

— Истинная любовь? — она изобразила задумчивость. — Да откуда ж мне знать, лишь бы внешне нравился. Впрочем, если у меня появится истинная любовь, я непременно буду относиться к нему всей душой и сердцем, больше никаких интриг на стороне, и ты, естественно, уже не сможешь сопровождать меня, мы вдвоем будем жить вдвоем.

— Тогда... тогда я кажусь вам симпатичной? — Эта фраза была поистине стыдной, и чтобы произнести ее вслух, Юэ И потратила всю свою мужество. Она знала, что ничем не хороша, происхождением похвастаться не может, кроме боевых искусств ничего не умеет, характер замкнутый, людям не нравится, внешностью уступает Лу Чан Гэ, а самое главное... она женщина, в то время как Лу Чан Гэ уже была замужем и наверняка предпочитает мужчин. Одного этого пункта было достаточно, чтобы ее кандидатуру сразу же отвергли.

О боже, Система, ты погляди, я ей нравлюсь! Я ей действительно нравлюсь! Что мне ответить, чтобы выглядеть такой холодной и неприступной, чтобы она полюбила меня еще сильнее? Жду в сети, быстрее-быстрее, ну же!

[Успокойся... уровень ее благосклонности к тебе снова немного вырос, поднажми еще.]

Тогда Лу Чан Гэ прямо и без утайки спросила, нахмурив брови и изображая легкое раздражение: — Ты что... влюблена в меня?

Система: [Эта женщина просто невероятно жеманна, фальшива и говорит с таким ехидством!]

Юэ И густо покраснела: — Я знаю, что по всем параметрам очень плоха и, возможно, недостойна вас, но в своем сердце я... всегда, всегда...

Она никогда раньше не влюблялась и никому не признавалась в чувствах, и способность произнести такие слова заставила все ее тело напрячься, превратив в испуганную птицу от любого шороха.

Она не могла продолжать, потому что увидела, как брови Лу Чан Гэ сошлись еще круче. Лу Чан Гэ заговорила: — Эх, если ты в меня влюблена, мне от этого очень сложно. В тебе столько недостатков, которые еще исправлять и исправлять, например...

— Неужели ты не можешь перестать обращаться ко мне на «вы»? От этого звучит так, будто я постарела сразу лет на несколько! Если уж хочешь кого-то добиваться, нужно проявить хоть капельку искренности, а твой вид сейчас точь-в-точь как у несчастной девушки из мелодрамы, ставшей жертвой домогательств злобного начальника, тьфу!

На этот раз опешила уже Юэ И.

Лу Чан Гэ продолжала безжалостно отчитывать ее: — Если собралась признаться в любви, так нечего мямлить, просто до жути жалко смотришься! Нельзя ли подтверже и прямо сказать мне об этом? Такая добрая девушка, как я (?) ради сохранения твоего лица все равно бы спасла твое положение...

Она не успела договорить, как Юэ И резко подалась вперед и накрыла ее губы поцелуем.

Лу Чан Гэ изначально стояла у двери спальни, а теперь ее в одно мгновение втокнули внутрь и прижали спиной к стене. У Юэ И абсолютно не было никакого опыта поцелуев, хотя у нее самой его тоже не имелось — но в конце концов, даже если не едал свинины, бегающую свинью-то всякий видел! Она считала, что все же превосходит Юэ И, в конце концов, столько лет читала романы на Цзиньцзя...

Лу Чан Гэ высунула кончик языка и легко приоткрыла зубы партнерши, продолжая исследовать пространство в глубине. Она начала с губ Юэ И, затем перешла на зубы, а в конце — на кончик языка... Юэ И, которая изначально была инициатором этого насильственного поцелуя, теперь сама покраснела до корней волос и тяжело дышала.

Спустя долгое время Юэ И наконец разжала руки, вцепившиеся в ее плечи: — Вы...

Лу Чан Гэ сурово глянула на нее, и Юэ И тут же исправилась: — Как ты хочешь, чтобы я тебя называла?

— Называй меня Чан Гэ.

Чем больше Лу Чан Гэ смотрела на нее, тем более очаровательной она ей казалась; даже пылающие мочки ушей вызвали у нее сладкий зуд в сердце. То, о чем она думала, тут же находило отражение в действиях: она подалась вперед и поцеловала ее в покрасневшую мочку уха: — Чего это ты так смущаешься?

Не успела она договорить, как Лу Чан Гэ вспомнила еще об одной вещи, и ее лицо помрачнело: — В прошлый раз в отеле, почему ты поступила со мной так? Засунула меня в ванну с холодной водой.

— Тогда Чжао Яовэнь подсыпал тебе наркотик...

— Я прекрасно знаю, что он подсыпал мне наркотик, я спрашиваю о тебе! — Она грозно, словно в шутку, уставилась на нее, хотя в глубине глаз плескалась сплошная мягкость. — Ты ведь вполне могла воспользоваться другим способом...

— Это было тогда, когда ты была без сознания... я не могла так поступить. К тому же, я ведь не знала, что я тебе тоже нравлюсь.

— Кто сказал, что ты мне нравишься?

— Ну пусть будет так: я люблю тебя, ладно? Не сердись. Тогда я действительно поступила необдуманно. Я очень разозлилась, что ты меня не послушала и попала на его удочку — когда я увидела тебя связанной, у меня слезы чуть из глаз не брызнули. Мне хотелось, чтобы ты усвоила урок и больше так не делала. Кто же знал, что ты вместо этого начнешь воспитывать меня и с тех пор вообще запретишь мне следовать за тобой? Мне оставалось только тайком следовать по пятам, до смерти боясь, что кто-нибудь снова причинит тебе вред...

Какая же она глупышка: спросишь о чем-то одном, а в ответ выльется целый десяток предложений. Лу Чан Гэ увидела, что шкала прогресса Юэ И поднялась до восьмоста пяти, и на душе у нее стало очень радостно. Она сказала ей: — Впредь, сталкиваясь с подобными ситуациями, будь пожестче. В конце концов, я ведь не небожительница, я тоже совершаю ошибки, так что ты должна вовремя меня поправлять, понятно?

Юэ И уже собиралась кивнуть, как Лу Чан Гэ тут же добавила: — Но в целом ты все равно должна меня слушаться! В конце концов, это ты первая в меня влюбилась, а я еще не решила,

нрав Ты мне или нет. Показывай себя с хорошей стороны, тогда я и решу.

— А сейчас?

Лу Чан Гэ на мгновение замерла, сообразив, что взгляд собеседницы упал ей на грудь. Лу Чан Гэ была в махровом халате, подпоясанном на талии, а после того, как они некоторое время целовались, ее грудь напоследок слегка обнажилась. Лицо Лу Чан Гэ вспыхнуло, она запахнула одежду поплотнее и тихо бросила: — Бессовестная! Смотреть запрещено!

Увидев, что Юэ И и впрямь послушно зажмурилась, Лу Чан Гэ испытала одновременно досаду и злость. Она протянула руку и ткнула ее пальцем: — Я сказала не смотреть, а не сказала не двигаться! Ну до чего же ты бестолковая, всему тебя учить надо! Если будешь и дальше такой неповоротливой, можешь даже не надеяться, что ты мне понравишься!

Когда Лу Чан Гэ ругалась, Юэ И никогда не огрызалась в ответ. Раз уж она такая бестолковая, то пусть старшая учит ее понемногу — в конце концов, впереди у них целая долгая жизнь на обучение...

А позже Лу Чан Гэ через знакомых помогла Юэ И оформить легальные документы и неизменно держала при себе под видом собственной младшей сестры. В дальнейшем Юэ И действительно принялась изучать английский, а Лу Чан Гэ распродала имущество своего дома и уже не испытывала никакого желания мстить какому-то там президенту Чжао — пусть катится ко всем чертям и барахтается как знает.

Обе женщины выехали за границу и в Лас-Вегасе провели скромную свадебную церемонию. В тот момент, когда они обменивались кольцами, шкала прогресса над головой Юэ И достигла девяноста пяти. На сей раз она могла с уверенностью утверждать: это была настоящая любовь.

Только вот последние пять процентов никак не сдвигались с места. Обладая деньгами и красотой, женщины путешествовали повсюду, а в конце концов решили вернуться на родину и осесть там. Из-за многолетних тренировок в юности организм Юэ И все же испытывал нагрузки выше, чем у обычных людей, и в возрасте пятидесяти лет она скончалась от сердечного приступа. В самый момент ее ухода из жизни шкала прогресса над головой наконец-то дошла до ста.

Лу Чан Гэ была старше ее на девять лет и вскоре тоже угасла от тоски. После смерти она пожертвовала все свое имущество в детский образовательный фонд бедных горных районов. За всю жизнь у нее не было ни мужа, ни детей, однако та наполненность и радость, что принесли эти годы, оставались недостигаемыми для большинства людей.

[Поздравляем испытуемую Лу Чан Гэ с успешным завершением первого задания. Сейчас вы будете перенесены во второй мир —]

11. Жертва школьного насилия (второй)

На сей раз Лу Чан Гэ очнулась сквозь дикую боль. Ой как больно... Ссука, кто меня бьет?! — Она изо всех сил попыталась открыть глаза, но обнаружила, что они, похоже, заплыли от ударов. По всему телу разливалась боль, а град ударов кулаками и ногами всё сыпался на неё, не позволяя даже пошевелиться.

Пока она до конца не разобралась, что это за мир, Чан Гэ решила пока не предпринимать опрометчивых действий.

Наконец сверху раздался чей-то голос: — Ладно, хватит, пожалуй, с неё уже достаточно.

Этот голос казался странно знакомым...

Чан Гэ с трудом приоткрыла опухшие веки, превратившиеся в узкие щелочки, жалобно задрала голову и наконец разглядела говорившего.

На сей раз даже не пришлось спрашивать у Системы, кто является целью для захвата: перед ней стоял человек с лицом, точь-в-точь как у Чжо Шэн. Стоявшая перед ней девушка заговорила: Лю Чан Гэ, думаю, после стольких побоев ты должна была хоть немного поумнеть. Такие люди, как Ю Минсюань, тебе не по зубам. Лучше отбрось свои глупые фантазии. Раз уж мы в туалете, сходи помочись и посмотришься в отражение — поймешь, на что ты похожа. Если еще раз увидим, как ты передаешь Ю Минсюаню любовные письма, тебе не поздоровится!

Выпалив это, Чжо Шэн издала презрительное хмыканье и повернулась к своей спутнице: Сяожоу, пошли отсюда.

Только сейчас Чан Гэ заметила, что рядом с Чжо Шэн стоит еще одна девушка — с кудрявыми волосами, длинными ресницами и кукольной внешностью, похожая на фарфоровую статуэтку.

Куколка, подражая Чжо Шэн, тоже фыркнула и развернулась, чтобы уйти.

Как только они скрылись, разбрелась и толпа девиц, которые до этого избивали Чан Гэ. Девушка чувствовала, как все тело ноет от боли, и не могла пошевелиться. Ей оставалось лишь свернуться калачиком на полу и вызвать Систему, чтобы разобраться в текущей ситуации.

В этот раз она переместилась в книгу о школьной жизни. И, к ее «счастью», она снова оказалась второстепенным персонажем. Свою цель для соблазнения, обладательницу того же лица, что и у Чжо Шэн, она уже видела — ее звали Сюй Мань, а та куколка, что была только что, носила имя Люй Сяожоу и являлась главной героиней этой истории. Это была так называемая элитная старшая школа, где стоимость обучения зашкаливала, а большинство учеников происходило из невероятно богатых и влиятельных семей. Главная героиня, Люй Сяожоу, была среди них на особом счету: с лицом, напоминающим кукольное, и родителями — знаменитыми звездами шоу-бизнеса, она пользовалась огромной популярностью у всех парней академии. Однако сердце Люй Сяожоу принадлежало лишь школьному принцу Ю Минсюаню. Лучшей подругой Люй Сяожоу была цель текущего задания — Сюй Мань. На самом деле Сюй Мань тоже была влюблена в Ю Минсюаня, и эти две девушки из богатых семей втайне создали фан-клуб Ю Минсюаня. Всякий раз, когда какая-нибудь недалекая ученица пыталась приблизиться к Ю Минсюаню, фан-клуб устраивал ей травлю и избиения, превращая несчастную в мишень для всеобщих насмешек.

Ю Минсюань был главным героем этой книги: высокий, обходительный, он являлся принцем на белом коне в мечтах всех девушек школы. Однако в глубине души он был холоден и жаждал любви. В конце концов, при случайных обстоятельствах он познакомился с Люй Сяожоу и влюбился в нее. Но Сюй Мань, снедаемая жгучей завистью, начала испытывать к своей

подруге болезненные чувства. Она постоянно строила Люй Сяожоу козни, пока это не вскрылось. Ю Минсюань и Люй Сяожоу объединились и уничтожили семью Сюй Мань. Из избалованной богатой наследницы Сюй Мань превратилась в нищенку на улице и прожила свою короткую, жалкую жизнь.

Лу Чан Гэ, дочитав сюжет, сочла его невероятно банальным и абсурдным. Две лучшие подруги влюбились в одного парня и в итоге стали заклятыми врагами... разве это не слишком избито?

Нынешняя владелица тела, в которое попала Лу Чан Гэ, была ничем не примечательной ученицей и тайной поклонницей Ю Минсюаня. Она часто писала ему любовные письма, из-за чего попала в поле зрения фан-клуба Ю Минсюаня, возглавляемого Люй Сяожоу и Сюй Мань. В итоге те собрали толпу девиц, загнали Лу Чан Гэ в туалет и избили её.

Лу Чан Гэ чувствовала, что логика этого задания хромает: Система, разве не я здесь главная жертва? Она — школьная королева, а я — жертва организованной ею травли, и я же должна её спасать? С чего бы это?

— Но ведь её финал гораздо трагичнее. Не смей ставить под сомнение задания, которые выдает Система, ясно?

Лу Чан Гэ не осмелилась спорить дальше. Она с трудом поднялась на ноги, собираясь идти на урок, и подошла к умывальнику, чтобы умыться, но замерла.

В зеркале отражалась девушка лет шестнадцати-семнадцати. Лу Чан Гэ считала себя добрым человеком, но, глядя в зеркало, она никак не могла заставить себя признать, что выглядит хоть сколько-нибудь привлекательно. У оригинала был рост около метра пятидесяти пяти и вес примерно семьдесят пять килограммов — её вполне можно было назвать очень толстой. На ней была серая, грязная школьная форма, покрытая следами от обуви. Очки на переносице оказались сломаны, а глаза, скрывавшиеся за линзами, были сильно опухшими после побоев — они напоминали лишь узкие щелочки, прорезанные на куске мяса. Лицо было покрыто неровностями и прыщами. Если не считать сравнительно светлой кожи, во всем её облике невозможно было найти ни единого достоинства. Она простояла перед зеркалом секунд пять, как Система вовремя вставила шпильку: К тому же характер у первоначальной владелицы тела очень замкнутый, семья самая обыкновенная, не сравнить с этими богатыми мажорами и девчонками. Родители потратили на её поступление в эту школу последние гроши, учится она плохо — можно сказать, находится на самом дне всей школы.

У Лу Чан Гэ перед глазами потемнело, так и хотелось упасть в обморок. В прошлой жизни она, хоть и угодила в тело вдовы, всё же была богатой писаной красавицей. На этот раз — если уж решили повысить сложность, не обязательно же было делать это с такой спешкой!

Лу Чан Гэ: Система, ты что, издеваешься надо мной специально?

Конечно нет! Вот это и называется — издеваюсь над тобой специально. Из штаб-квартиры Цзиньцзян только что поступило указание: настроить шкалу благосклонности прямо над

головами персонажей, чтобы это влияло на эстетику картинки. Так что отныне ты больше не сможешь видеть уровень благосклонности объекта для завоевания, придётся разбираться самой!

Лу Чан Гэ оставалось только развести руками, она лишь задала вполне разумный вопрос: Как мне завоёвывать её с такой внешностью? Это же совершенно ненаучно!

Тут уж всё зависит от твоих способностей, не переживай, мисс Чан Гэ, в нужный момент я тебе помогу.

...Похоже, Система и сама понимает, что сложность запредельная.

Волоча ноги под тяжестью навалившихся забот, Лу Чан Гэ вернулась в класс, где училась прежняя владелица тела — Лу Чан Гэ, в первый класс третьего отделения. Поскольку она слишком долго пробыла в туалете, к моменту её возвращения урок уже начался. Учительница, похоже, тоже не слишком жаловала Чан Гэ и прямо у порога преградила ей путь: Это ещё кто там? Урок уже идёт. Как я уже говорила, опоздавшие стоят снаружи в качестве наказания, ступай на выход. По классу прокатилась волна насмешливых смешков, подняв глаза, Чан Гэ увидела Люй Сяожоу и Сюй Мане — они тоже были среди тех, кто над ней смеялся.

Не успев даже войти в класс, она снова была изгнана наружу. На сердце защемило от жалости к прежней хозяйке тела: какой бы некрасивой и незаметной она ни была, у неё всё равно должно быть право и возможность любить кого-то, а не подвергаться воспитанию со стороны тайных школьных кружков, созданных её же одноклассниками. К тому же девичьи мечты всегда полны романтики, кто в юности не увлекался всякими мерзавцами! Да взять её саму — разве она не любила этого неблагодарного мерзавца Чжо Шэн!

Но её мысли унеслись куда-то не туда...

Лу Чан Гэ отчаянно скучая стояла за дверью класса в качестве бесплатного экспоната, мысленно обдумывая, как поступить дальше. Прежде всего нужно изменить жизнь прежней владелицы тела — сейчас она толстая и некрасивая, и ни один человек в здравом уме её не полюбит, не говоря уже о том, чтобы завоевать Сюй Мане. Первым делом ей необходимо похудеть: избыточный вес не только портит внешность, но и сильно вредит здоровью. Девочки в подростковом возрасте и так склонны к полноте, но судя по воспоминаниям прежней хозяйки тела... она просто слишком много жрала.

Прежняя Лу Чан Гэ на самом деле была закомплексованной и мнительной девушкой. Из простой семьи, с огромными надеждами родителей, отправленная в эту элитную школу, где все окружающие ученики казались невероятно выдающимися. Она совершенно не могла с ними тягаться, отчего давление лишь усиливалось. И именно в этот момент она влюбилась в школьного принца Ю Минсюаня — впрочем, не то чтобы по-настоящему любила, просто Ю Минсюань олицетворял собой нечто совершенно противоположное её собственной жизни. Ю Минсюань был красивым, высоким, прекрасно учился, и все ученики его боготворили. Она восхищалась им в глубине души, но это одновременно вызывало колоссальный стресс, из-за

чего она всё больше и больше заедала тревогу, отчего её фигура становилась ещё массивнее. Прежде чем попасть на прицел к Сюй Мане и Люй Сяожоу, она уже успела собрать немало презрительных взглядов и насмешек.

Начать стоит с ежедневных тренировок и диеты. Денег у прежней хозяйки тоже особо не было, так что оставалось пользоваться лишь самыми базовыми методами. Сама же учеба давалась Чан Гэ довольно легко, школьной программы она вполне должна осилить. А о всяких там завоеваниях можно будет поразмыслить уже после похудения — в конце концов, ей необходимо сначала спасти саму себя, прежде чем спасать Сюй Мане.

Впрочем... Чан Гэ бросила взгляд через окно на сидящую в классе Сюй Мане. «Чжо Шэн» в этой жизни была отъявленной богатой хулиганкой, чья успеваемость и моральный облик находились на крайне низком уровне. Просто благодаря богатству семьи и красивой внешности она верховодила всем классом. Главная героиня Люй Сяожоу была примерно такой же особой.

По сравнению с прошлой нежной и молчаливой Юэ И, на этот раз Чан Гэ была крайне недовольна объектом своего завоевания.

Наконец прозвенел звонок с урока, и Чан Гэ вернулась в класс. Её парта стояла особняком в самом последнем ряду. Из-за лишнего веса и всеобщей нелюбви никто не хотел сидеть с ней за одной партой, но так было даже лучше — это избавляло от множества хлопот.

Чан Гэ открыла ящик парты, чтобы достать учебник на следующий урок, но обнаружила, что на форзацах каждой книги и рабочей тетради красной и чёрной ручкой были выведены крупные ругательства: уродина, жирная свинья, вали из школы и тому подобное. Почерки везде были разными. Подняв глаза, она огляделась и заметила, что взгляды многих одноклассников по-прежнему прикованы к ней.

Выражение лица Чан Гэ оставалось равнодушным. Судя по всему, это была коллективная травля, и вычислить зачинщика не получится, хотя главными заводилами наверняка оставались Люй Сяожоу и Сюй Мане.

<http://bllate.org/book/22531/2379680>